

Николай ФОТЬЕВ

СЕЯТЕЛЬ ДОБРЫЙ И ЩЕДРЫЙ

Очерк

День двадцать первого марта был днем проверки готовности машинного парка к полевым работам. С утра держался морозец, похрустывало под ногами, а к полудню там и тут замельтешили светлые струйки испарений, в придорожных канавах сельской улицы появились даже зеркальца воды, и перезимовавшие гуси тут же пустились по ним в плавь.

Накануне чесноковцы проверяли готовность к севу своих соседей из совхоза «Прибрежный», теперь с тем же те пожаловали к ним. Разбившись на группы, соседи спозаранку пришли осматривать тракторы, плуги, сеялки, культиваторы, бороны и прочее, без чего не обойтись в посевную, и только часам к двум собрались в отлично спланированной и оборудованной совхозной столовой. Отобедав, отправились в кабинет директора на разговор по существу дела. И сразу речь пошла о том, что требовалось наладить. Соседи не стеснялись, критика их была даже несколько пристрастной, поскольку речь шла о соседях знаменитых, награжденных за успехи в прошлые годы орденом Ленина.

Я сижу, слушаю щедрых на слово соседей чесноковцев и думаю, а что же скажет им директор совхоза Петр Ильич Баранас. Он сидел спокойно-озабоченный, делал пометки и время от времени поднимал на ораторов добрые, внимательные глаза.

— Еще будут замечания? — спрашивал он, когда очередной выступающий заканчивал речь.

Все высказались. Ему теперь слово — хозяину. С замечаниями проверяющих Петр Ильич Баранас согласен, с критикой тоже. Но, дорогие товарищи! Если бы чесноковцы сами не видели и не знали того, что увидели сегодня их соседи, то какие бы они были тогда хозяева? В своем доме каждая щель известна. Но вот дорогие соседи забыли об очень важной стороне дела. Ведь, готовя технику к посевной, чесноковцы полным ходом ремонтируют одновременно ком-

байны. Они делают это потому, что нынешняя страда предполагается необычно сложной и трудной. И может случиться так, что до самой уборки хлебов у механизаторов не будет времени для ремонтных работ. Разве плохо, если вместе с посевной техникой будет в полной готовности и уборочная. И весной, и летом чесноковцы тогда сосредоточат все силы на том, чтобы хорошо посеять и выходить урожай, не отвлекаясь больше на ремонтные работы. Ведь в 1973 году — третьем, решающем году пятилетки — нужно взять такой урожай, который бы окупил и нынешние затраты, и компенсировал бы прошлогодний недобор. Такая задача. Создать резерв — значит обеспечить решение стоящих перед совхозом сложных задач.

Почему нынешняя полевая страда будет сложной и трудной? В минувшем 1972 году летние и осенние ливни начисто затопили многие поля. В иных местах из-за этого потеряли половину урожая, а часть полей осталась даже не убранной. Зябь тоже не удалось поднять. Непаханными, залитыми водой ушли поля под снег. И снегу навалило больше обычного, значит, весной поля будут чрезмерно влажными. В таких условиях предстоит нынче вести не только обычные весенние работы, но и работы, которые в другие годы выполнялись загодя, в течение осени.

Чесноковский совхоз, имея равные площади с другими хозяйствами, располагает гораздо меньшим числом тракторов, а вот с полевыми работами управляется не хуже, пожалуй, и лучше. Это тоже побуждает чесноковцев к тому, чтобы загодя в мастерских и на ремонтных площадках сделать все то, что обычно в хозяйствах переносится на лето. И поскольку нагрузка у них на технику очень высокая, ремонт они ведут всесторонний, надежный, чтоб работать потом без простоев. Скоком да галопом трудиться на земле не годится.

— Я вот что предлагаю, — сказал в за-

ключение Петр Ильич. — Давайте к первому апреля проверим друг друга еще раз, перед самой посевной.

Против этого предложения директора никто не возражал. Иные из гостей, однако, обменялись взглядами. «Тут, братцы, мы, пожалуй, будем выглядеть бледнее. С посевной-то техникой управимся, а вот с комбайнами».

И в том, и другом совхозе, при наличии хороших мастерских, до сих пор, к сожалению, не построены специально оборудованные площадки для хранения техники. На строительство площадок не отпустили средств.

Гости попрощались и уехали, и мы с Петром Ильичом сидим теперь вдвоем в просторном его кабинете. На стене, что напротив окон, различные диаграммы, отражающие деятельность совхоза с момента его организации и по сей день. Можно в них почувствовать и самого директора — хваткого хозяина, дальновидного экономиста.

Много, бывает, вывешивают различных показателей в присутственных местах. Но частенько случается так, что самых-то главных и не увидишь — приходится тогда бежать в бухгалтерию. И хорошо, если что-то смыслишь в экономической «алгебре». Здесь же все налицо: урожайность полей и продуктивность скота; объем продажи различной продукции; рентабельность по совхозу и по отраслям; продажа продукции на один рубль основных средств; выработка на трактор и комбайн; затраты, доходы, прибыль... Каждый заложенный в производство рубль у чесноковцев не только окупается, но и приносит сверх того копеек семьдесят пять — восемьдесят прибыли (исключая 1972 год). А выработка продукции в денежном выражении на одного среднегодового работника составляет более семи тысяч рублей.

Вещи, как известно, познаются в сравнении. Хотя, конечно, сравнивать их тоже можно по-разному: ставить рядом объем выданной «на-гора» продукции и забывать о размерах посевных площадей, количестве работавших рук и машин, о затратах и себестоимости. Сопоставлять маленькое, легко управляемое хозяйство с хозяйством-гигантом. Поэтому будем сравнивать равнозначные по основным условиям производства хозяйства Амурской области, и в годы более характерные для их деятельности, чем крайне неблагоприятный прошлый год, когда из-за погодных условий пострадали многие хозяйства. Например, совхоз «Партизан» вместо обычных сорока восьми — пятидесяти получил только двадцать процентов прибыли.

В 1971 году, имея равные с Чесноковским совхозом посевные площади — 21 000 гектаров, крупнейший на Дальнем Востоке колхоз «Приамурье» получил прибыль в 36,5 процента. А совхоз Чесноковский — почти семьдесят пять, то есть вдвое боль-

ше. При этом заметим, что тракторов в колхозе «Приамурье» было 227, а в Чесноковском совхозе — только 116. Зерновых комбайнов в «Приамурье» было сто, а в Чесноковском совхозе — пятьдесят пять.

В том же году другой крупный совхоз области — «Партизан» — получил сорок восемь процентов прибыли, а совхоз «Пограничный» — пятьдесят шесть. Неплохо. Но следует иметь в виду, что в «Партизане» почти на три тысячи гектаров меньше, а тракторов и комбайнов было больше, чем в Чесноковском совхозе. В «Пограничном» совхозе посевные площади меньше, чем в Чесноковском, на целых пять тысяч гектаров.

1970 год для чесноковцев был еще более удачным. Тогда доход здесь составил 86,7 процента.

Если сравнить по тому же году выработку продукции в денежном выражении на одного среднегодового работника, то в колхозе «Приамурье» она составила 4576 рублей, в «Партизане» — 7055 рублей, в «Пограничном» — 6674 рубля, а в Чесноковском совхозе — 7128 рублей. (В 1970 году здесь было — 6694 рубля.)

Возникает вопрос: как же удается чесноковцам при столь значительном объеме работ, при меньшем числе комбайнов и тракторов идти впереди других хозяйств? В чем секреты экономики Чесноковского совхоза?

Приходилось мне слышать рассказы о передовиках. Разные рассказчики — разные и рассказы. А вот о Петре Ильиче — директоре совхоза — люди всякий раз говорили удивительно похожее. И непременно с похвалой и уважением.

В 1931 году семья Баранасов из Новосибирской области приехала в Приамурье, высадилась из вагона, как и многие нынешние переселенцы, на станции Средне-Белой. Мать Петра — бывшая батрачка. Отчим тоже был из небогатых крестьян. А сам Петр, бывший пастушонок, в ту пору был комсомольским активистом. В числе других таких же парней он приехал на Амур налаживать дело в только что организованных здесь совхозах.

Если проследить анкетно путь, пройденный Петром Ильичом за прошедшие с тех пор сорок два года, он обозначится вехами, весьма типичными для людей его поколения. Был сперва рабочим. Потом, закончив совхозное училище, работал на фермах зоотехником. Четыре года учился в Благовещенском техникуме сельского хозяйства. После учебы назначили его на должность директора учхоза техникума в селе Дроново. Прошел Великую Отечественную войну, а вернувшись, работал опять в Дронове на той же должности. С 1953 года Петр — директор Борисоглебского совхоза, а в 1960 году его перевели на работу в целинный Чесноковский совхоз. За эти годы он заочно закончил Благовещенский сельхозинститут.

Конечно, послужной список не объясняет еще характера человека, как, впрочем, и самая подробная биография.

Одним из главных условий успешной работы совхоза Петр Ильич считает звеньевую организацию труда в полеводстве. Существует она в совхозе уже около десяти лет. И с тех пор хозяйство неуклонно идет в гору.

Еще в бытность директором учхоза «Дроново», в 1948 году, Петр Ильич создавал там звенья типа Ефремовских на Алтае. Помощником его тогда был Антон Семенович Дугинцов. А первым их результатом был урожай сои по двадцать восемь центнеров с каждого из ста пятидесяти гектаров.

Шли годы. О звеньях начали было забывать. Но в конце пятидесятых годов тот же Дугинцов получил вновь удивившие всех результаты. Оказалось, что секрет заключался в самом принципе работы звеном.

Теперь в хозяйствах Амурской области уже тысячи звеньев, и рост их числа имеет прямое отношение к Петру Ильичу и Антону Семеновичу. Оба они теперь — Герои Социалистического Труда.

О преимуществах звеньев сказано уже много, но есть и сторонники иных методов. Не будем спорить с ними, ибо при введении хозрасчета и заботы о рентабельности любое производственное объединение в конце концов станет основываться на том принципе, что и звенья. То есть во главу всего ставится урожай, а не выработка в гектарах и затратах. И честь, и заработок хлебороба — все зависит от урожая и от себестоимости полученной продукции.

Именно в звеньях впервые были проверены возможности хозрасчетного принципа в полеводстве. Именно звенья позволили увидеть осязательно результаты труда человека, работавшего на земле. В звеньях, где люди — сами хозяева и творцы урожая, полнее использовался и народный опыт, и творческий потенциал отдельной личности. Это позволяло выбирать наилучшие варианты обработки полей, сроки посева, уборки. Звенья доказали, что прежнюю себестоимость, которую «творили» все скопом, и никто конкретно не был в ответе за нее, можно снизить в несколько раз. И при этом получать еще больше хлеба и сои.

Звенья — это постоянные хозяева на постоянном поле. Это первичная производственная ячейка, самостоятельно решающая все главные вопросы. Именно в звене наиболее полно развиваются инициатива, новаторство, экономическое мышление. Здесь приобретаются агротехнические знания и научность в подходе к земледелию. При хорошо поставленной звеньевой организации и безнарядно-аккордной оплате труда, отпадает необходимость в контролерах и доглядчиках, ибо каждый заинтересован в хорошей работе, в высоком урожае и малых затратах. В условиях работы звеньями специалистами и управляющим отделе-

ниями больше остается времени для занятий наукой и самообразованием, для расширения кругозора. При иных условиях труда бригадиру или управляющему и книжку почитать некогда, с утра до вечера он занят делами.

Число звеньев и размеры посевных площадей, закрепленных за ними, в Чесноковском совхозе держатся на одном уровне на протяжении многих лет. За это время люди успели изучить свои поля, приноровиться к ним. Теперь им уже не надо объяснять, от чего зависят урожайность, заработок, доходность, рентабельность. Каждый успел стать в какой-то мере и агрономом, и экономистом, и организатором, и воспитателем. И, конечно же, чем больше людей прошли такую школу, тем лучше для хозяйства. При бригадном способе работы таких мастеров земледелия было втрое-вчетверо меньше. В Чесноковском совхозе тридцать звеньев. Из них двадцать два звена соевозерновых, шесть заняты производством кукурузы и два звена выращивают картофель. Налажены полевые и кормовые севообороты. Почти все звенья в совхозе работают успешно. Многие звеньевые удостоены наград. Так, Павел Петрович Горбоконенко еще по итогам работы в седьмой пятилетке награжден орденом Ленина. Каждый человек, работающий в звене, производит продукции в стоимостном выражении на тридцать, тридцать пять тысяч рублей в год. Эта сумма в пять раз выше, чем среднегодовая выработка на одного работника в целом по совхозу.

Нынешний год — решающий год девятой пятилетки — и чесноковцы готовились к полевым работам с особым тщанием и продуманностью.

В звеньях успешнее воспитываются качества хозяина, что само по себе исключительно важно. Не за горами время, когда теперешние опытные хлеборобы уйдут на пенсию. Сейчас на сельских работах больше видишь людей зрелого и пожилого возраста, чем молодежи. К сожалению, с годами это положение не меняется.

— Вот я сужу даже по своим детям, — говорил Петр Ильич. — Разные они.

У Петра Ильича и Натальи Михайловны, жены его, шестеро детей да еще приемная дочь. Теперь все дети Баранасов взрослые, у всех у них хорошее воспитание и образование. Честь и хвала родителям!

Старшие, которым с детства пришлось испробовать все деревенские работы, и теперь не чураются сельских занятий. Охотно идут и сено косить, и коров подоить, и — на комбайнах работают. А вот младшие уже менее привязаны к земле. И дело тут, видимо, вовсе не в том, у кого какие наклонности.

Рано или поздно молодой человек задает себе вопрос: «Где жить лучше?» И вот его любовь к родному дому начинается как бы двоиться. До поры до времени все ему нравилось в деревне, а вот побывав в

«иных краях», понаслушался речей и песен, глядишь, и поостыла тяга к родным местам, к делу, которым издавна занимается семья. Пока молодые люди учатся (пять-шесть лет), многие привыкают к городу и в деревню ехать уже не хотят.

Конечно, и в селах скоро будут условия жизни, близкие к городским. Будут такие же квартирные, бытовые удобства; растет на селе культура. К тому же, при наличии современного транспорта, при желании каждый, когда нужно, может побывать в городе, даже в столицу слетать.

Но для создания таких идеальных условий требуется время, надо много еще поработать. А рабочих рук селу уже сегодня не достает. Где же их взять?

Как ни крути, нужно побыстрее завершать индустриализацию производства на селе. Процесс этот идет повсеместно, но если растениеводство механизировано почти полностью, то с механизацией животноводства мы пока заметно отстаем. Да и уровню бытовых и культурных условий далеко еще до уровня городов. Наконец, нужно более продуманно и целеустремленно воспитывать подрастающее поколение, чтобы в сельском хозяйстве оно видело не меньше интереса и возможностей для трудовых подвигов, чем в некоторых ныне модных занятиях и службах. Ведь на хлебном поле и на фермах нужен не просто работник, который не уезжает в город только потому, что и в деревне хорошие заработки. Нужен человек, для которого аграрное дело стало бы смыслом всей его жизни. Только тогда он будет настоящим хозяином, творцом, ученым и поэтом своего дела. Нужен человек, который в сельском хозяйстве работает по призванию и любви, а следовательно, и глубоко сознает важность своего дела. Раз любишь свое дело — значит, оно тебе интересно и важно. И так — на всю жизнь!

Как правило, настоящие герои села или выдающиеся ученые-аграрники — это люди, с детства познавшие сельский труд, горячо полюбившие его. Помню, как Георгий Пантелеевич Котенко — директор совхоза «Партизан», Герой Социалистического Труда, сказал однажды: «Я это дело, товарищи, так люблю, что иную жизнь и представить себе не могу. Я, знаете, даже стихи писал... в молодости. Понимаете, выйдешь в поле: хлеба, простор, солнце, жаворонки... А хлебушко-то сам посеял!..» С таким же теплом о своем деле говорят Антон Семенович Дугинцов и выдающийся селекционер Яков Михайлович Одноконь. Это же я услышал и от Петра Ильича: «Люблю я это дело. Можно сказать — одержим. Жизни своей без него не мыслю!..»

Имеется очень много простора для подвигов на сельской ниве. Между тем, есть немало папаш и мамаш, которые считают, что их чадам надо приискать другое поприще — отнюдь не сельское хозяйство. Многие стараются сделать своих детей, даже при отсутствии таланта, либо артистами, либо иными «звездами» на поприще куль-

туры и искусства. Иное, разумеется, дело, если у молодого человека обнаруживается настоящее дарование, призвание к иной, не сельской, профессии. Но чаще всего происходит погоня за миражем, выбор профессии оказывается случайным, не обдуманым как следует. И истинное призвание человека так и не раскрывается. Выбранное им дело остается на уровне умения заурядного ремесленника, но не мастера, не творца.

Человеческие склонности и способности формируются еще с детства. Приведем в пример хотя бы песни. Общеизвестно, что старики и поныне чаще всего поют те песни, которые запали им в душу еще в ребячьем возрасте. Люди среднего возраста, когда им хочется спеть от души, опять-таки выбирают песни, которые знало именно их поколение. Случайно ли это? Конечно, нет! Примеров на этот счет можно привести бесчисленное множество.

Почему же сельские дети вроде бы не подпадают под это правило? Живут они в селе, видят труд отцов и матерей, казалось бы, сами должны знать и полюбить сельские работы. А нет! Многие норовят при случае оставить деревню, даже не взирая на то, что заработки там сейчас, пожалуй, выше городских. В чем тут дело?

О культуре и быте на селе в сравнении с городом уже говорилось. Но надо еще иметь в виду и то, как ныне обучают маленького сельского гражданина. И как сами обучающиеся относятся к тому, чему их учат.

В бригадах, как говорил мне директор совхоза, почти никогда не увидишь ребят-школьников, работающих вместе с отцом или братьями. Бригады — довольно крупные коллективы, и они не могут быть семейными. Да и не у каждого члена бригады есть дети одинаковые по возрасту, чтобы они в бригаде были, так сказать, на равных. А вот звенья могут быть и семейными — отец, сыновья, братья, сестры. И уж, конечно, старшие как-нибудь присмотрят, пристроят к делу и младшеньких. Отцу или брату малец не помешает. Тут его лишней раз и подбодрят, и приласкают, и расскажут о многом любопытном, и укрепят веру парнишки в собственные силы. Глядишь, тому и откроется нечто удивительное и заманчивое в том самом труде, который сейчас для некоторых не овеян ни поэзией, ни открытиями. Мальчишка-подросток может и на комбайне поездить, хлеб поубирать, и на тракторе землю пахать, и на пружовике урожай с поля вывозить. Тут все шло бы так, как быть должно, — младшие учились бы у старших еще сызмальства.

К сожалению, пока в сельских школах и в детских садах дело приобщения молодых граждан к благородному сельскому труду поставлено зачастую формально. В ходу картинки, рассказы, экскурсии, встречи со знатными людьми, есть пришкольные участки, кролики... А вот что касается непосредственного участия детей в современном механизированном и автоматизированном

сельском труде, то тут или «по инструкции не положено», или рассуждают так: «мол, еще наработаются». И получается, что поток формирующей личностной информации льется не в русло сельскохозяйственных профессий, а чаще всего в русло профессий, более модных на данном этапе. И вот молодые люди, выучившиеся и выращенные в деревне, уходят из села в город часто на случайные работы. Каждый сельский руководитель мог бы назвать такие имена и довольно тревожные цифры утечки молодежи из деревни.

В Чесноковском совхозе есть хорошие примеры, когда ребята-школьники работают вместе с отцами и старшими братьями на культивации, на сенокосе, на прополке и на животноводческой ферме. Все дело только в том, чтобы такие работы были интересными для ребят, чтобы учитывались при этом не только производственные, но и чисто ребячьи интересы. Сельские ребята — народ активный, любознательный, ищущий, горящий желанием сделать что-то полезное, самостоятельное.

Многие чесноковские ребята в лето зарабатывают приличные суммы и потом покупают себе не только школьные принадлежности, но и приобретают одежду и многое другое. Все это на свои заработанные деньги. Ясно, что уверенности в своих силах у таких ребят больше, и самостоятельности и достоинства больше. Есть им за что уважать самого себя.

Вряд ли стоит опасаться того, что из-за участия в труде ребята вырастут этакими «ранними старичками». Бояться-то, пожалуй, следует другого — великовозрастного незнания труда и безразличия к нему, безразличия к общественному делу. Это порождает у какой-то части молодежи политическую и общественную инертность, убеждение, что вполне можно обойтись просто службой, работой ради заработка, чтобы существовать не «хуже других».

Петр Ильич приводил такой пример. Уговаривал он как-то парня поработать на ферме, а тот ни в какую. Нормальный парень, нормальная работа, хороший заработок. Он — нет. Мнется, упирается. А дело оказалось в том, что он боялся, как бы над ним «девчата не стали смеяться». Этаким добрым молодец — почти Филипп Жерар — и вдруг ему идти на ферму!

Но вообще-то и эти настроения надо учитывать, и над ними следует задуматься. Почему это молодые люди «стесняются» работать в животноводстве? Почему на фермах на каждого молодого подчас приходится несколько пожилых людей? Почему одно из древнейших занятий, дающее человечеству основные продукты питания, перестало быть в глазах некоторых почетным? Как и когда сформировалось подобное мнение? В «Амурской правде» отмечался как-то факт, когда за провинность и в наказание людей с других работ посылали на ферму. Пусть, мол, узнают! Пусть почувствуют!

За счет Чесноковского совхоза человек двадцать пять молодежи учатся в техникумах и институтах. После учебы они должны вернуться в совхоз. Разумеется, и дальше совхоз за свой счет будет учить все большее число молодых. Однако и здесь ежегодно уезжают до сорока парней и девушек, окончивших восьмые — десятые классы.

Если хозяйственную деятельность приамурских колхозов и совхозов рассмотреть по отраслям, то в большинстве случаев окажется, что растениеводство всюду дает приличные доходы, а вот животноводство еще убыточно, особенно — свиноводство. Тяжелые погодные условия минувшего года, не дав заготовиться кормами, усугубили положение. А вот Чесноковский совхоз и теперь получает солидные прибыли и от животноводства. Даже в неблагоприятном 1972 году рентабельность свиноводства здесь составила почти тридцать процентов и в общей сумме доходов совхоза составляет одну четвертую часть. В совхозе имеется восемь тысяч свиней и три тысячи пятьсот голов крупного рогатого скота.

Как уже говорилось, здесь шесть кукурузоводческих звеньев обеспечивают животноводство сочными кормами. Еще более важным источником питательных веществ следует считать многолетние травы, в частности, тимофеевку. Сейчас под ней в совхозе занято 1358 гектаров, каждый гектар дает по сорок-пятьдесят центнеров прекрасного сена. Не случайно тут говорят, что у Баранаса «стог на стогу стоит».

Если бы не было в достатке своих недорогих по себестоимости кормов, чесноковцы не добились бы рентабельности животноводческих ферм. Фермы — это те же фабрики, без сырья они не могут выдавать продукцию.

Петр Ильич Баранас сам по образованию зоотехник и, конечно, как никто другой, понимает, что такое в животноводстве корма и правильное кормление. Еще в бытность директором учхоза «Дроново», он широко занимался травосеянием. Сеял там люцерну и клевер, волоснец сибирский и амурский, эспарцет, костер безостый, донник, тимофеевку и другие многолетние травы. Петр Ильич с учетом своего опыта самой лучшей и надежной для условий Приамурья признал тимофеевку. Вообще об этой травке директор говорит, как о своем любимом детище. Неоднажды выручала она в трудные времена животноводов совхоза.

Те, кто давно живет на Амуре, помнят, наверно, как в свое время славился совхоз Борисоглебский. Именно о тамошних доярках писали, как о «маяках». В Борисоглебском были самые высокие в области надой молока и привесы. Одна из доярок совхоза — Вера Епринцева — стала первым Героем Социалистического Труда среди амурских доярок. В ту пору директором Борисоглебского как раз работал Петр Ильич Баранас. Там, в Борисоглебске, он тоже не

забывал о сеяных травах и о кормах вообще. Только за счет тимофеевки получали до пяти тысяч тонн прекрасного сена.

— Ну, сравните сами, — говорит Петр Ильич. — Обычно с наших естественных сенокосов в лучшем случае мы берем до тонны сена с гектара, а в среднем — пять-шесть центнеров. А вот тимофеевка дает сорок-пятьдесят центнеров. К тому же из тимофеевки гораздо более ценное сено, чем с естественных лугов. Только в одном килограмме оно содержит 0,48 кормовой единицы. Два килограмма такого сена заменят килограмм концентратов.

Надо еще иметь в виду, что животноводство исторически, в процессе эволюции, сложилось на естественном корме. В практике это всегда необходимо учитывать. То есть, даже при обилии концентратов, не обойтись без сена и сенной муки. А из тимофеевки и сено, и сенная мука получаются высшего качества. И обходятся дешевле. Так что же выгоднее? Заниматься тимофеевкой или надеяться на естественные сенокосы, спрашивает он. И отвечает: конечно, выгоднее тимофеевка.

Если по-хозяйски использовать землю, то при посевах тимофеевки, за счет естественных сенокосов, в каждом крупном хозяйстве можно распахать еще по несколько тысяч гектаров земли и выращивать на них хлеб и сою. А это значит — получить дополнительно солидные прибыли.

Конечно, Петр Ильич в свое время, когда ругали «травополющиков», не избежал «накачек» за то, что так упорно держался за многолетние травы — за тимофеевку. Баранасу здравый смысл и хозяйственная логика, добытые личным опытом, не позволяли пойти на отказ от посева трав. В Борисоглебском он всячески старался уберечь травы, и потом, когда назначили его директором целинного Чесноковского совхоза, он и на новое место привез семена тимофеевки. Немного вначале — всего лишь на сто пятьдесят гектаров хватило. Но с тех гектаров все и пошло. А теперь совхоз засеивает травами 1358 гектаров и заготавливает до трех тысяч тонн прекрасного сена.

Что же дает гектар тимофеевки? Если она выращивается на семена, то — центнеров сорок сена и до двух центнеров семян. Если сено перевести в кормовые единицы, то это равнозначно центнерам двадцати концентратов. Добавим, что центнер семян тимофеевки стоит 124 рубля, иначе говоря, доход от семян — 248 руб. с гектара. Вместе с сеном и семенами гектар тимофеевки дает не менее четырехсот рублей дохода, а затраты на производство тут самые незначительные. Посеяв однажды тимофеевку, потом пять лет убирают ее на сено и семена, не затрачивая никакого труда, кроме как на косовицу. Гектар тимофеевки по доходности не уступает фирменной нашей культуре — сое, к тому же после оборота под травой земля по плодородию равняется хорошей целине.

Не случайно сейчас отовсюду «атакуют» чесноковцев просьбами продать семена ти-

мофеевки. И совхоз продал уже двести тонн семян и получил только от продажи семян 248 тысяч рублей. Сейчас тимофеевкой во всем Михайловском районе засеивают двадцать тысяч гектаров.

Как известно, повсюду налаживается сейчас производство травяной муки и гранул, окупающее себя даже за счет малопродуктивных естественных угодий. А при посевах тимофеевки мука и гранулы получаются наивысшего качества, и в достаточном количестве. Чесноковцам за счет сена тимофеевки и муки из нее удается обходиться сравнительно незначительными затратами на корма, а ведь это обычно основная часть расходов в животноводстве.

Петр Ильич вспоминает, как однажды у соседей, в совхозе «Прибрежный», он оказался свидетелем разговора, когда скотник, работающий в телятнике, категорически отказывался работать дальше. Брошу все, уйду на любую другую работу! А не хотел человек на ферме работать потому, что телята от бескормицы дошли до истощения. Начался падеж, и практически скотник ничего не зарабатывал. Ведь его основной заработок идет от привеса молодняка.

На ферме Чесноковского совхоза такой же точно скотник уже в который раз просит директора оставить его на ферме. Сам он тракторист и в телятник поставлен был только на зиму. Но понравилось. Телятки симпатичные, привес дают хороший, и обеспечен постоянный высокий заработок.

Выходит, что корма — наилучший агитатор. Там, где их нет, люди не хотят работать на ферме. Там, где кормов в достатке, — напротив, охотно идут в животноводство и не собираются уходить на другие работы.

Корма, кроме всего прочего, — основа основ для интересного творческого труда, для опытов и экспериментов. Как при их недостатке выяснить, какими кормами, в каких количествах и пропорциях и при каких режимах лучше всего кормить животных?

Многие мне говорили, что с таким директором, как Баранас, работать по-настоящему интересно. Он так держится, так действует, что при нем совестно работать вполсилы или без души. И люди, кому довелось работать с ним в одной упряжке, будь то завхоз, управляющий или агроном, как правило становятся людьми, увлеченными своим делом. Федор Петрович Остроухов — директор Амурской школы повышения квалификации сельскохозяйственных кадров, работавший когда-то с Петром Ильичом в Борисоглебском совхозе, — вспоминает:

— Удивительно и подчас непостижимо, как Петр Ильич умеет разгадать человека, понять его и уважить. Ведь люди-то разные. А он каждого умеет заечь и направить так, чтобы была польза и для дела, и для самого человека. Никогда ни на кого не кричал. А дисциплина была — будь здоров! Да я вот по себе сужу. Если во мне

есть какие-то хорошие качества, то этим я, прежде всего, обязан Петру Ильичу.

Здесь, в Чесноковском, у директора совхоза все помощники — на уровне. И это в немалой степени зависит опять-таки от самого директора. Петр Ильич считает, что каждый, кто работает с людьми, появляясь где-либо на производстве, должен оставлять какой-то заметный след. А то ведь как бывает. Пришел человек, скажем, на ферму. И ушел. И ничего после его посещения там не изменилось, не добавилось. И вот, если он раз пяток так-то пройдет, ничего не оставивши, то уж никакого ему авторитета не будет. Ни с чем к нему обращаться люди не станут. «Пустое место» — такой работник.

Словом, Петр Ильич не только печется о том, чтобы в хозяйстве порядок был, но и прежде всего о том, чтобы люди в совхозе были настоящими хозяевами, работали творчески, с душой и были бы как можно более самостоятельными. А для этого, конечно, нужны условия и соответствующее воспитание. Ведь оно, как может случиться, не создай человеку условий, и даже интересная работа может не понравиться — и он не раскроется во всей полноте. Не поймет работу, не оценит и не полюбит ее. А может, именно эта работа была бы призванием человека на всю жизнь. Иначе, почему же иные люди, чуть ли не всю жизнь ищут и самих себя, и свою любимую работу. Да так и не находят.

Во всяком разговоре вообще в отношении к людям у Петра Ильича чувствуется его громадный опыт и удивительная человечность. Именно это качество — человечность — прежде всего отмечают люди, когда заходит речь о директоре совхоза. Иди к человеку, пойми человека, уважь человека — это как бы его девиз в отношениях с людьми.

Петру Ильичу исполняется шестьдесят. Однако по виду не скажешь, что он подошел к пенсионному рубежу. Лицом молодежав, да и в комплекции нет ничего лишнего. Когда заходят посетители и разговаривают с Петром Ильичом, в его молодо голубеющих глазах можно заметить и полнейшее уважение к собеседнику, и живейший интерес к нему.

Несколько дней уже живут в совхозной гостинице представители наемных бригад, попросту шабашники, приехавшие с другого конца страны. Они торгуются, и директор торгуется. Иначе нельзя. Побеседуют, поторгуются и расходятся.

Приезжий — молодой, хорошо одетый человек с развитой речью и строительным образованием. Он, конечно, знает, какая работа, что стоит. Бригада обещает справиться с заданием в течение двух месяцев. Неплохо в общем-то. Но Петр Ильич ставил свои условия. Бригада, как это диктует хозяйственная необходимость, должна справиться за сорок дней. Пока не известно, уложится она в этот срок или не уложится.

Совхоз будет выплачивать гарантийный заработок. А вот, когда работа вся будет исполнена в срок и хорошо — бригада не только дополучит остальную сумму, но еще и премию.

Молодой человек уходит к себе в гостиницу, а Петр Ильич, усмехнувшись, поясняет мне:

— Вот всегда так. Сразу не договоришься. Речь идет о немалых деньгах и важном для хозяйства строительстве.

Разговор со строителем, коему я был свидетелем, наводит невольно вот на какую мысль. Почему временные бригады строителей могут строить быстро и сравнительно неплохо и хорошо зарабатывать при этом? И почему постоянные строительные организации строят вдвое-втрое медленней, и заработки рабочих там ниже, и сроки окончания объектов затягиваются чрезмерно?

В совхозе ежегодно работает по несколько таких строительных бригад. Чесноковский совхоз, в сущности, отстраивается заново. Когда Петр Ильич принял совхоз, здесь сначала были палатки, а уж потом поставили сборнощитовые домики. Старожилы вспоминают: «Бывало, на поле идешь и видишь: расчистили новую площадку и фундамент завели. А когда с поля возвращаешься, на этом месте — уже готовый домик».

Эти сборнощитовые домики служили и сейчас еще служат совхозу верой и правдой. В каждом по четыре квартиры, и вроде бы для всех хватало жилья. Но теперешнее время предъявляет совсем иные требования. Совхоз в этой пятилетке уже построил более сотни новых квартир, бытовой комбинат, несколько магазинов и производственных помещений, библиотеку с читальным залом, две школы и две столовых. А строить еще много надо.

На месте щитовых домиков теперь стоят новые дома из кирпича и керамзитовых плит. В таком же по площади доме — уже не четыре квартиры, а только две. Значит, площадь квартир увеличивается вдвое. Жить семьям просторнее. Домов стало намного больше, а число квартир вроде не прибавилось. Да еще нужен порядочный резерв в расчете на переселенцев. В этом году перестройка жилья в совхозе в основном будет завершена.

Спрашиваю у людей, как живется им в новых домах. Одним кажется, что они холодноваты зимой, другие жильем вполне довольны.

— Да тут все просто, — говорит Баранас, — все от самих хозяев зависит. Вот заходите в дом — и душа радуется. Чисто, тепло, просторно, мебель добрая, ковры, телевизор. Все как надо. К другим заходите и только головой качаете. Такой же точно дом, так же люди зарабатывают. Квартира из четырех комнат, удобная, а они всей семьей сгрудились в одной комнате, и все вещи сюда же стащили. Остальные комнаты превратили в нечто вроде хлевов и чуланов. Как на старом месте жили, так и тут...

Со дня образования и поныне целинный Чесноковский совхоз нуждается в рабочей силе. Громадные посевные площади, мощное животноводство, постоянное строительство требуют не только машин и механизмов, но и обычных рабочих рук. Собственно, совхоз, как всякое новое хозяйство, шел от нуля. Одно дело — располагать давно освоенными землями, иметь под руками построенные ранее производственные объекты и жилье, сложившийся и сработавшийся коллектив. И совсем иное дело — за несколько лет совершенно наново построить хозяйство да еще вывести его в число лучших. Все это, конечно, делает честь и людям совхоза, и их руководителям.

Население совхоза наполовину состоит из переселенцев. Люди приезжают сюда разные. Одни сразу обживаются, дом, построенный для них, оказывается в хороших руках. И на работе у них все идет ладно, и жизнью они вполне довольны. Другие — так и сяк. Не сразу поймешь, временные они или постоянные. Вроде бы присматриваются. Ну, а третьи — только с места на место кочуют, деньги государственные транжирят. Есть не просто переселенцы, а уже дважды и трижды переселенцы. Приедут, поживут, смотаются куда-нибудь и снова завербуются в другое место. Все ищут, забывая, что манна-то небесная нигде в рот сама не сыплется. Работать надо и работать на совесть. Только тогда все будет полной чашей.

И поскольку текучка все-таки существует, несмотря на отличные бытовые усло-

вия и хорошие заработки, хозяйственникам приходится делать заявки на большее количество трудоспособных, чем это в самом деле необходимо. Одни приживутся, другие уедут куда-нибудь. Это, конечно, ненормальное явление — текучесть кадров. Но по существу происходит обыкновенный отбор «людского материала». С чем нельзя не считаться.

Земли Чесноковского совхоза равнинные и обширные. В хорошую погоду работать на полях здесь — одно удовольствие. А вот в такую дождливую, как в прошлом году была, влага стоит на полях и никуда не скатывается. Супесей, в отличие от прибрежных земель, в Чесноковском почти нет. Поэтому в прошлом году чесноковцам пришлось претерпеть хлопот, лишений и трудностей больше, чем кому-либо. И все же 1972 год закончили с прибылью.

Какими же будут итоги нынешнего года? Весна 1973 года выдалась поздняя, холодная и сырая. Начало сезона оказалось неблагоприятным. Вот тут-то и пригодился тот резерв, который был создан зимой во время ремонта сельскохозяйственной техники. Нынче каждая пара рук на счету — и чесноковцы в третьем, решающем году девятой пятилетки имеют все основания к тому, чтобы сделать новый крупный шаг вперед.

*Совхоз «Чесноковский»,
Амурская область*